
ТЕОРИЯ

ТРИОСФЕРА, ЭПОМЕТАМОРФОЗ И НОВЫЕ ЗАДАЧИ ГЛОБАЛИСТИКИ

Чумаков А. Н.*

В статье рассматриваются новые явления глобального мира, которые еще не стали предметом специального изучения в современной глобалистике. В первую очередь это касается трех тесно взаимосвязанных планетарных сфер: геологической, биологической и социальной, а также их эволюции и конкретных этапов развития. Анализируя данные сферы и связанные с ними явления, автор не только предлагает оригинальные подходы к их осмыслению, но и вводит специальные понятия, раскрывающие сущность новых объектов глобалистики, которые встают перед ней как актуальные задачи, требующие решения.

Ключевые слова: триосфера, эпометаморфоз, глобалистика, геосфера, биосфера, социосфера, процесс, эпоха.

The article discusses the new phenomena of the global world that have not yet become the subject of special consideration in the modern global studies. This primarily concerns three closely interrelated planetary spheres: geological, biological, and social, as well as their evolution and specific stages of development. By analyzing these spheres, the author offers original approaches their understanding and invents special concepts, revealing the essence of new objects of global studies. All this poses new objectives for global studies.

Keywords: triosphere, epometamorphosis, global studies, geosphere, biosphere, sociosphere, process, era.

Несмотря на существенные успехи, достигнутые к настоящему времени в осмыслении природы и динамики развития современной глобализации, многие вопросы ее генезиса, эволюции и влияния на общественную жизнь остаются дискуссионными даже в среде специалистов, занимающихся этой тематикой. Основная проблема, как представляется, заключается в том, что новую реальность пытаются исследовать, понять и описать при помощи сложившихся в иных условиях и уже вполне установившихся понятий. В итоге сущность явления по большей части остается за кадром, тогда как значительная доля внимания уделяется вещам несущественным, второстепенным. С учетом данного обстоятельства, а также того, что глобалистика как новая сфера междисциплинарного знания все еще

* Чумаков Александр Николаевич – д. ф. н., профессор, заведующий кафедрой «Философия» Финансового университета при Правительстве РФ; ведущий научный сотрудник Института философии РАН; профессор факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: chumakov@iph.ras.ru.

находится в стадии активного формирования, важно уделить особое внимание понятийному аппарату и словотворчеству в этой области.

Чтобы обнаружить уже самые первые признаки и фундаментальные причины появления глобализации, а также проследить наиболее важные этапы ее вызревания, следует изначально взглянуть крупным планом на исторические события [Гринин 2015: 3–16]. В этой связи отметим, что исторический процесс в крупном масштабе представляют обычно как последовательную смену следующих друг за другом состояний общества. В частности, в период европейских буржуазно-демократических революций появилось и стало популярным представление об истории человечества, состоящей из трех ступеней развития: *дикость – варварство – цивилизация*. Хорошо известны также формационная теория исторического процесса К. Маркса, теория стадий экономического роста У. Ростоу и др. [Глобалистика... 2012: 136–138]. Однако для целей нашего исследования такие подходы были бы малопродуктивными, так как все они фиксируют внимание прежде всего на качественных параметрах общественного развития, то есть на статике социального организма, и практически не учитывают динамику его эволюции. А для понимания сути процессов глобализации это имеет принципиальное значение.

Этимологически термин «глобализация» связан с масштабом планеты как целостной системы, а потому проследить эволюцию развития человечества до этого – глобального – уровня можно посредством анализа процесса географического расширения социальной жизни с момента ее зарождения. Таким образом, если в качестве основания деления всей истории человечества взять масштаб происшедших событий, то можно выделить **четыре** качественно отличных друг от друга эпохи, которые сопутствуют историческому развитию с момента возникновения общества до обозримого будущего и характеризуются присущими только им социальными связями и отношениями.

1. **Эпоха фрагментарных событий и локальных социальных связей.** Ее отсчет можно вести со времени появления человека (около 2 млн лет тому назад) и до полного завершения неолитической революции, то есть до возникновения и формирования первых государств около 7–3 тыс. лет до н. э.

2. **Эпоха региональных событий и территориально ограниченных международных отношений.** Она простирается от завершившейся неолитической революции, когда уже появились первые государства (7–3 тыс. лет до н. э.), до начала Великих географических открытий, то есть до эпохи Возрождения.

3. **Эпоха глобальных событий и всеобщей экономической и социально-политической зависимости.** Порожденная Великими географическими открытиями, она длится до середины XX в., когда мир обретает свою целостность в географическом, экономическом, политическом и экологическом отношениях.

4. **Эпоха космической экспансии и противоборства с использованием космического пространства и космических технологий.** Начавшаяся с запуска в 1957 г. первого искусственного спутника Земли, эта эпоха стала отличительной чертой нашего времени, а ее продолжение уходит как минимум в обозримое будущее. В это время мир окончательно замкнулся географически, то есть вся территория планеты стала доступной для человеческой деятельности и мониторинга. То же фактически происходит и с информационной сферой мирового сообщества.

Как видно уже из названий указанных эпох, переход от одной из них к другой каждый раз сопровождался расширением территориальных пределов, в рамках которых происходившие события сохраняли свою целостность, обнаруживая при этом общую тенденцию и определенную логику развития. Иначе говоря, мы имеем дело по существу с *генезисом эпох*. Для обозначения этого процесса можно было бы употребить более короткий и емкий термин «*эпогенез*», в результате которого предыдущая эпоха качественно трансформировалась в последующую. При этом каждая следующая эпоха охватывала все более короткий период времени, что вполне объясняется общей тенденцией ускорения общественного развития.

Вышеприведенную градацию мирового процесса можно соотнести с конкретными историческими событиями и проиллюстрировать ее на примерах военных конфликтов, масштабы и характер которых всегда были непосредственно связаны с территориальной экспансией и зависели от технической оснащенности противоборствующих сторон. Так, на ранних этапах истории, когда общественное развитие носило *фрагментарный* характер, то есть общественные структуры и соответствующие им связи развивались *локально*, военные столкновения были также частными и локальными. Это вполне соответствовало и ограниченным возможностям в средствах передвижения, и примитивности технического вооружения того времени.

Первым же событием действительно *регионального* масштаба в истории человечества следует признать завоевательные походы Александра Македонского, которые прямо и косвенно затронули сразу три континента: Ближнюю и Среднюю Азию вплоть до Индии, а также часть Европы и Африки. Монгольские завоевания XIII в. – также яркий пример военных действий и социальных потрясений регионального масштаба. Последней региональной войной стали наполеоновские походы и баталии, развернувшиеся тогда практически по всей Европе и частично в Африке, где помимо обычного вооружения уже широко применялись артиллерия и огнестрельное оружие.

Эпоха *глобальных* войн началась с Первой мировой войны, в которой были задействованы уже практически все современные виды оружия, за исключением ракетного и ядерного. Затем этот ряд противоборств мирового масштаба пополнился Второй мировой и холодной войнами, в которых прямо или косвенно участвовала основная часть человечества.

Следующий, еще более масштабный уровень конфликтов, на пороге которого мировое сообщество уже стоит, является *космическим*. Заметим при этом, что космические войны не обязательно должны сопровождаться боевыми действиями. Они могут сопровождаться победами или поражениями в сфере технологий, информационного обеспечения и т. п. Но как бы то ни было, одно несомненно – противоречия и конфликты такого масштаба будут нарастать, а их протекание и разрешение будут, скорее всего, аналогичны тому, как ведутся сегодня, например, торговые, дипломатические, политические или информационные войны – без непосредственного применения военной силы. Важно при этом подчеркнуть, что каждый новый уровень проблем (от локальных до космических) вовсе не отменяет автоматически те, которые были раньше, то есть проблемы более низкого уровня, а лишь наслаивается на них, зачастую резонируя с ними, а порой и обостряя, усиливая их своим влиянием.

Рассмотренный подход к градации исторического процесса позволяет увидеть очень важный, но тем не менее лишь один аспект глобализации – географический, то есть территориальное расширение человеческой активности. Вместе с тем уже на ранних этапах истории зарождались и другие процессы, обусловившие в дальнейшем становление универсальных связей и формирование единого человечества, которые проявлялись в экономике, культуре, теоретическом знании, религии. Все вместе, в совокупности, они стали важнейшей характеристикой общественного состояния, претерпевшего в истории несколько фундаментальных трансформаций. Эти социальные трансформации сродни тому, что в современной исторической литературе теперь принято называть «осевым временем» [Хрестоматия... 2015: 597–598].

Понятие «осевого времени», введенное К. Ясперсом для обозначения «решительных поворотов в потоке событий», относится к вполне определенному периоду времени мировой истории (800–200 гг. до н. э.). Тогда практически одновременно в трех разных, не связанных друг с другом регионах планеты – в Европе, Индии и Китае – надели и произошли кардинальные перемены «в области духовных основ человечества». Обращая на это внимание, Ясперс говорит о «взрыве человеческого духа», когда зарождается понимание всеобщности. А время, когда это произошло, он предложил именовать «осевым», поскольку оно стало поворотным от одного качественного состояния общества к другому. В последнее время в связи с ростом интереса к глобальной истории данный термин получил дополнительное обоснование и обновленное содержание, что позволило использовать его в более широком диапазоне, в том числе для обозначения и других поворотных пунктов в мировой истории. Таким образом, можно говорить уже не об одном, а о нескольких «осевых временах», в частности применительно к процессам глобализации [Axial... 2014: 29].

В глобалистике используются и другие термины, посредством которых пытаются объяснить фундаментальные изменения в историческом процессе. При этом обращается внимание не столько на количественные параметры глобализации, сколько на ее социально-экономические, культурные и т. п. аспекты. Так, предметом активного обсуждения в 1980-е гг. стала идея трех волн А. Тоффлера, который полагал, что человечество в своем развитии уже прошло две волны и в настоящее время переживает третью. Первая из них была связана с неолитической революцией, когда человек перешел от присваивающей экономики к производящей и стал вести оседлый образ жизни. Вторая волна знаменовала переход к индустриальному обществу. Наконец, третья волна привнесла принципиальные изменения в обществе, вызванные массовым внедрением электроники и информатизацией всех сфер общественной жизни [Глобалистика... 2012: 191].

В связи с поиском новых подходов к пониманию процессов глобализации в последнее время усилилось внимание к выдвинутой еще в 1920-е гг. Н. Д. Кондратьевым теории больших циклов конъюнктуры, которая получила известность под названием «волны Кондратьева». Также представляют интерес идеи и Э. Ласло, предложившего новый термин «макросдвиг», в соответствии с которым «происходящее ныне – это всеобщая эволюционная трансформация, которая может и, в конечном счете, должна выйти за рамки экономической глобализации, чтобы проложить путь к новой цивилизации. Эта трансформация – эра макросдвига: сдвига всеохватывающего, быстрого и необратимого, простирающегося до самых

далеких уголков земного шара и затрагивающего все аспекты жизни» [Ласло 2004: 12]. Понимая макросдвиг как трансформацию цивилизации, где движущей силой является технология, он подчеркивает, что этот сдвиг запускается наличием критической массы людей, которые осознали необходимость обновления системы ценностей.

Здесь следует подчеркнуть, что, в отличие от Ясперса, который говорит об одном осевом времени как о вполне конкретном фрагменте истории, Ласло ставит в центр своего внимания целую эпоху, пролонгируя ее в будущее и особо подчеркивая динамику изменений [Laszlo 2013: 108–111]. Однако в осмыслении истоков процессов глобализации он не заглядывает в историю дальше XIX в. и концентрируется в основном на современности и будущем. В итоге в его исследовании глобализация не просматривается как многоаспектный объективно-исторический процесс, имеющий глубокие исторические корни, а выступает скорее в качестве определенной характеристики общества, когда оно претерпевает существенные трансформации в своем развитии в условиях новейшего времени [Куда движется... 2014: 9–12]. Несомненно, это интересный подход, ориентирующий на восприятие глобализации в качестве поступательно развивающегося процесса с определенной пролонгацией его на перспективу. Но он не позволяет с достаточной ясностью увидеть фундаментальные истоки глобализации, а также ее разноплановый характер и порождаемые ею последствия планетарного масштаба. По этой причине понятие «макросдвиг», как и иные уже упоминавшиеся термины («стадии», «волны» и т. п.), вряд ли могут быть эффективно использованы при анализе более масштабных и многоаспектных процессов в их исторической динамике.

Итак, для описания динамики и смены основных этапов исторического процесса, развивающегося от его истоков в направлении становления глобальной целостности мирового сообщества, наиболее оправданным было бы применение понятия «осевого времени». Причем не только к тому периоду, когда появилась философия (о чем говорит К. Ясперс), но и к тем поворотным пунктам в истории человечества, когда происходило выделение и других форм мировоззрения (религиозного, мифологического, научного, глобального). Вместе с тем следует принять во внимание, что термин «осевое время» уже давно получил вполне конкретное содержание, с которым он прочно вошел в научный обиход и ассоциируется, как правило, именно с тем временем, для описания которого он и был в свое время предложен. Отсюда применение его в других контекстах (во избежание разночтений) следовало бы признать нецелесообразным, тогда как использовать иной, в какой-то мере сходный и даже близкий по значению к «осевому времени» новый термин – «эполетаморфоз» – представляется вполне актуальным и своевременным.

Прежде всего это объясняется тем, что для описания различных стадий (эпох) формирования глобальных процессов в социосфере: от первых признаков их появления до полномасштабных процессов глобализации – подходящего для этого термина нет. Вместе с тем речь идет о внутренних и внешних процессах, о структурной перестройке всего общественного организма, включенного в биологический и географический контекст планеты, когда кардинально меняются и базисные основания общественной жизни, и соответствующие им мировоззренческие установки людей, и, как следствие, вся система отношений человека с окру-

жающей его биосферой и географической средой, то есть с *биогеосферой*, неотъемлемой составной частью которой он является [Труды... 2012: 247–258]. Однако человек – существо не только биологическое, но и духовное, мыслящее, социальное, то есть выходящее за рамки буквально понимаемой геобиосферы, и потому следует говорить об эволюции еще более сложной системы, состоящей как бы из трех неразрывно взаимосвязанных элементов: географической *среды*, *биосферы* и *социума*. Для обозначения такой системы также пока нет соответствующего термина. Развивая язык глобалистики и расширяя ее терминологический ряд, следовало бы называть этот предельно большой конгломерат, охватывающий всю планету как единое целое и являющий собою совокупность трех тесно взаимосвязанных сфер: социума, живой и неживой природы, которые активно вовлечены в процесс глобализации, – *геобиосоциосистемой*.

В этой связи вполне уместно говорить и о *геобиосоциогенезе*, то есть о процессе формирования, развития и направленности эволюции данной системы, а также о *геобиосоциосфере*, которая объемлет весь этот конгломерат, состоящий из географической, биологической и социальной субстанций. Поскольку данная сфера включает в себя три теснейшим образом связанные составные части, то ее лучше именовать более коротким и наиболее адекватно передающим основной смысл всей системы термином «*триосфера*».

Заметим при этом, что если истоки формирования *геосферы* относятся к появлению Земли как физического тела где-то около 4,5 млрд лет тому назад, *биосферы* – к началу появления жизни на нашей планете (около 3,5 млрд лет), то *триосфера* начала формироваться с образованием *социосферы*, которая хотя и уходит корнями в историю появления человека, тем не менее завершённой реальностью стала только в результате Великих географических открытий и последовавших за этим шагов на пути становления глобального человечества.

Целесообразность введения понятия «*триосфера*» продиктована настоятельной потребностью в формировании нового – планетарного – мировоззрения, а также необходимостью расширения и углубления представлений о сущности и динамике развития глобальных процессов, одним из которых является глобализация. С другой стороны, новое слово открывает и новые возможности для формирования более емкого, объемного представления о новом многоплановом объекте, поскольку в научном обороте сегодня нет понятия, позволяющего описывать современный мир как целостность, равно как и сопутствующую ему глобализацию на таком предельно высоком уровне обобщения, без которого они распадаются на отдельные фрагменты. Иными словами, новое понятие призвано увеличить и расширить угол зрения на те проблемы, которые, казалось бы, уже неплохо исследованы, хотя на самом деле их восприятие и понимание пока еще не вышли за пределы одной плоскости, в то время как по сути своей они, образно выражаясь, не лежат в плоскости, а пребывают в объеме. Именно поэтому без расширения диапазона видения ситуации в целом единство человечества и его связь с живой и неживой природой не просматриваются, равно как и глобализация не видна во всех ее аспектах, поскольку при сложившихся к настоящему времени подходах она проявляется лишь фрагментарно [Барлыбаев 2008: 12–20].

Такое положение дел хорошо объясняет известная притча о трех слепых, натолкнувшихся на слона. Тот из них, кто ухватился за хвост, подумал, что это змея, другой, обхвативший ногу, принял ее за дерево, а третий, уткнувшийся

в бок, принял его за стену. И никто из них не понял, что имеет дело со слонем. Так и в современной глобалистике – глобализация рассматривается по большей части вне сложного контекста связанных с нею явлений и событий, поскольку *триосфера* как целостное явление, в лоне которой только и протекает глобализация, не стала еще предметом специального осмысления и даже не артикулирована должным образом.

И дело не в том, что речь идет о предельно большой, равной всему масштабу нашей планеты сфере, которая еще недостаточно сформировалась или слабо проявилась, а потому и не осознана. Просто потребности в таком видении всей ситуации в целом до этого еще не было. Однако теперь, когда основные предпосылки для формирования комплексной концепции мировых процессов и построения общей теории глобализации созрели, потребность в целостном восприятии всех земных сфер обретает особую актуальность. Возвращаясь к упомянутому выше образному выражению, можно сказать, что наступило время «обратной сборки слона», то есть его реконструкции, а именно: теперь от понимания отдельных аспектов и фрагментов глобализации нужно перейти к целостному видению ее в качестве и явления, и процесса, и феномена. Разумеется, это предельно трудная задача, но современная глобалистика, в силу своей междисциплинарности, в состоянии с нею справиться. Причем браться за ее решение можно и нужно, и даже необходимо уже сегодня.

В этой связи особый интерес представляют результаты анализа малоизвестных открытий в современной науке, в которых подчеркивается, что «число измерений нашего мира больше, чем мы думали раньше» [Иванов 2004: 112]. И хотя эти выводы были сделаны в области математики и лингвистики, их с полным основанием можно отнести и к глобальным процессам, в частности к глобализации, где дело касается не только географической или экономической, но также политической, экологической, информационной, культурной, цивилизационной и даже мировоззренческой стороны дела. И это действительно так, поскольку глобализация разворачивается сразу по многим направлениям, захватывая все новые и новые сферы.

Таким образом, понятия «триосфера» и «геобиосоциосистема» в какой-то мере продолжают и, возможно, закрывают в качестве недостающего и заключительного звена тот ряд основных понятий, которые уже сложились в современной науке для описания сложных планетарных систем, то есть предельно общих сфер. Иными словами, речь идет о взятых в целом различных оболочках Земли, первые представления о которых сформировались лишь после того как, с одной стороны, было установлено, что наша планета имеет форму шара, а с другой – накопился необходимый материал для соответствующих обобщений и понимания этих сфер в качестве целостных систем. Произошло же это лишь в XIX в., то есть спустя более трехсот лет после того, как началась эпоха Великих географических открытий. Важным шагом на пути таких обобщений стало появление в 1802 г. термина «биология», введенного в научный оборот Ж. Б. Ламарком, который заложил тем самым основу для последующих широких обобщений в области изучения жизни как планетарного явления. Еще более важные шаги в данном направлении были сделаны австрийским геологом Э. Зюссом, который в 1875 г. ввел понятие «*биосфера*» для обозначения области распространения жизни на Земле. Он также предложил новые термины для описания твердой и водной оболочек Земли,

назвав их соответственно «литосферой» и «гидросферой». А еще раньше газовая оболочка Земли была названа «атмосферой», наблюдения и целенаправленные исследования которой стали регулярными со второй половины XIX в. Это были первые термины, предназначенные для описания самых больших в масштабах планеты систем (сфер), число которых неизменно возрастало по мере того, как наука в своих обобщениях открывала все новые грани целостного мира.

Так, в 1876–1894 гг. Ж. Ж. Реклю представил многотомный труд «Земля и люди. Всеобщая география», где он предпринял попытку дать общую картину развития человечества и описание стран. После этой работы, и в особенности после того, как в 1926 г. вышла в свет книга В. И. Вернадского «Биосфера», понимание «многослойности» Земли прочно закрепилось в сознании научного сообщества и стало дополняться все новыми терминами из этого ряда. В частности, совокупность географических оболочек планеты – атмосфера (с ее делением на тропосферу, стратосферу и мезосферу), гидросфера и литосфера – стала именоваться *геосферой*. Она являет собой область распространения неживого (косного) вещества, составляющего основу жизни на Земле, то есть биосферы, в которой В. Б. Сочава в 1944 г. выделил *фитосферу*, а Е. М. Лавренко в 1949 г. – *фитогеосферу*. В качестве синонима «пленки жизни», слоя «сгущения» жизни (по В. И. Вернадскому) было образовано составное понятие «*биогеосфера*». А в 1940 г. В. Н. Сукачев предложил еще один термин – «*биогеоценоз*», которым стали обозначать однородные участки земной поверхности с определенным составом живых и косных компонентов, между которыми осуществляется динамическое взаимодействие.

Но вернемся в 1920-е гг. Тогда впервые появился термин «ноосфера», где планетарное измерение получил уже человек. В. И. Вернадский суть нового понятия изложил следующим образом: это «есть новое геологическое явление на нашей планете. В ней впервые человек становится крупнейшей геологической силой. Он может и должен перестраивать своим трудом и мыслью область своей жизни, перестраивать коренным образом по сравнению с тем, что было раньше» [Вернадский 1965: 328]. Планетарное мышление в то время четко просматривается и у известного русского философа П. А. Флоренского, который для обозначения сферы духовной деятельности, ставшей планетарным явлением, предложил еще один термин – «*пневматосфера*». «Хочу высказать мысль, нуждающуюся в конкретном обосновании и представляющую скорее эвристическое начало, – писал он в своем письме В. И. Вернадскому от 21 сентября 1929 г. – Это именно мысль о существовании в биосфере или, может быть, на биосфере того, что можно было бы назвать пневматосферой, то есть о существовании особой части вещества, вовлеченной в круговорот культуры или, точнее, круговорот духа» [Флоренский 1999: 451].

Дальнейшее развитие идеи духовных оболочек планетарного масштаба предпринял Ю. М. Лотман. В дополнение к понятиям ноосферы и пневматосферы в качестве их составной, но тем не менее вполне самостоятельной части он предложил термин «*семиосфера*». Содержание его было призвано отразить особое семиотическое пространство, охватывающее не только сумму отдельных языков, но и социокультурное поле их функционирования. Семиосфера, таким образом, включает в себя прежде всего естественный язык как наиболее емкую систему знаков и текстов. И эта сфера знаков, соединяющаяся с пневмосферой, сферой

выражения духа, является, как считал Лотман, составной частью ноосферы, сферы разума [Лотман 1996: 165–166]. Таким образом, вполне очевидно, что к середине XX в. сложилась уже целая область научного знания, в которой человек и порожденные им различные формы духовной и общественной жизни рассматривались как планетарное явление. В этой связи в научном языке стали активно использоваться и такие понятия, как «антросфера», «техносфера», «социосфера», что дает основание говорить об окончательном закреплении «сферного» мышления как в индивидуальном, так и в общественном сознании.

Обращая внимание на это обстоятельство и подчеркивая единство и глубокую взаимосвязь человека и природы, Н. Н. Моисеев писал: «Пришло время, когда человек становится основным “геологообразующим фактором” на нашей планете. И теперь уже нельзя “вычленивать” проблемы человека и общества; связь “человек-природа-человек” становится определяющей в судьбе нашего рода-племени. Значит, возникает потребность в формировании некоей общей стратегии во взаимоотношениях человечества и биосферы» [Моисеев 2004: 322]. В контексте сказанного и подводя итог голографического, «многослойного» видения современного состояния нашей планеты, все многообразие различных планетарных сфер, оболочек, «пленок» и т. п. можно свести в конечном счете к трем основным сферам: **геосфере** (области косной природы), **биосфере** (области жизни) и **социосфере** (области духа и социальных отношений), взятыми в их единстве. Иными словами, теперь, чтобы правильно судить о реальном положении человека в современном мире, адекватно оценивать его возможности и угрозы, с которыми он сталкивается, в частности со стороны многоаспектной глобализации, необходимо все упомянутые три основные сферы планеты рассматривать в их взаимосвязи и динамике, то есть как единую, целостно воспринимаемую геобиосоциосистему, что уже было названо **триосферой**.

Эволюция триосферы наиболее полно и всесторонне характеризует зарождение и последующее развитие процессов глобализации. Если посмотреть на эту эволюцию единым взором, начиная с момента возникновения человека, то есть с момента появления данной системы до настоящего времени, а также экстраполируя указанный процесс в будущее, можно обнаружить, что она сопровождается рядом фундаментальных трансформаций, которые задают этой системе новые внутренние и внешние параметры. Такие трансформации по своей сути весьма напоминают превращение, например, головастика в лягушку или гусеницы в бабочку. Для описания подобных процессов в биологии существует понятие «метаморфоза» (от греч. *μεταμόρφωσις* – превращение, преобразование), которое характеризует глубокое преобразование, переход одной стадии или формы послезародышевого развития некоторых животных в другую. У растений в результате метаморфозы происходит видоизменение основных органов (корня, стебля, листа, цветка) в связи с изменением их функций. Явление метаморфизма характерно и для геосферы, когда дело касается изменения структуры, минералогического или химического состава горных пород под влиянием давления, температуры и химической активности глубинных растворов.

Обсуждая место и роль человека в современном мире, мы можем сказать, что аналогичные фундаментальные изменения (трансформации, сходные с явлением метаморфизма), обусловленные глобализацией, происходят и в социосфере, причем на уровне как общественного бытия, так и общественного сознания. Не вы-

зывает сомнения и то, что мировоззрение людей также трансформируется от эпохи к эпохе, а потому и по отношению к социуму в целом было бы правомерно употребление термина «метаморфоз».

Более того, современная наука дает достаточно оснований утверждать, что кардинальные трансформации в процессе своей эволюции претерпевает и сама триосфера как макросистема, если иметь в виду ее историческую динамику. Так, с точки зрения зарождения и развития процессов глобализации можно выделить четыре эпохи, о которых в более узком смысле (применительно к общественному развитию) уже говорилось выше. А поскольку преобразования триосферы с точки зрения появления и развития глобальных процессов затрагивают целые эпохи, то для обозначения таких трансформаций по смыслу хорошо подходит словооборот «эпохальный метаморфоз» (или «метаморфоз эпох»), который со всех сторон охватывает и суть происходящих изменений, и временные рамки этих перемен. В какой-то мере он сродни уже упоминавшемуся термину «осевое время», но описывает более сложное, многоаспектное явление и касается не одной, а нескольких временных эпох, фиксируя основное внимание не столько на состоянии, сколько на их процессах и динамике.

С позиции оптимизации языка в плане придания ему лаконичности и выразительности словооборот «эпохальный метаморфоз» было бы лучше заменить одним составным термином «эпометаморфоз». Можно было бы предложить и еще более лаконичный термин – «эпоморфоз», но в таком случае возникает опасение, что внимание станет акцентироваться на форме в ущерб содержанию, поскольку «морф», «морфный» (от греч. *μορφή* – форма) – вторая составная часть сложных слов, обозначает то, что относится к форме. Таким образом, поскольку речь идет о сложнейших преобразованиях, затрагивающих изменение и формы, и содержания, иначе говоря, сущности всей триосферы, то более оптимальным следует считать термин *эпометаморфоз*. Понимать же будем под этим эпохальное видоизменение, переход на другую стадию развития всей геобиосоциосистемы, сопровождающийся фундаментальными переменами в этой системе на уровне формы и содержания, сущности и явления. Введение в оборот новой категории призвано способствовать лучшему осознанию макроисторических и макросоциальных трансформаций, предопределяющих смену исторических эпох, то есть тех изменений, которые являются причиной перехода от одной эпохи становления глобальных связей и отношений к другой. При этом важно подчеркнуть, что хотя уровень развития общественного прогресса непосредственно зависит от степени вовлеченности геосферы и биосферы в хозяйственную деятельность человека (что справедливо также и в обратном отношении), первостепенную роль здесь играет все-таки духовная составляющая, которая наиболее полно отражается в культуре, а еще более концентрированно представлена в мировоззрении людей.

Итак, если в качестве основания деления различных исторических эпох взять наиболее важные этапы становления мировоззрения человека, когда оно совершало серьезный поворот и претерпевало кардинальные изменения, то в истории человечества, а следовательно, и триосферы, можно выделить как минимум четыре довольно отчетливо просматривающихся поворотных пункта, к которым вполне применимо понятие «эпометаморфоз». Такие изменения были связаны с появлением: 1) *мифа* и *религии* (они зародились примерно одновременно); 2) *философии*; 3) *науки* и, наконец, 4) *глобализации*.

О *пятом* (гипотетическом) поворотном пункте истории, логически вытекающем из предыдущих, можно говорить лишь с определенной долей условности. И по всей вероятности, он будет связан с повышением интереса к человеку и осуществлением *гуманистической революции*, после которой, если ей предстоит свершиться, наступит новая эпоха. Исторической формой мировоззрения тогда станет такое его состояние, которое в различных социальных утопиях (от Платона до Маркса) характеризуется как высший тип мировоззрения, воплощающий в себе лучшие гуманистические качества. В марксизме, например, такое мировоззрение именуется коммунистическим. Однако поскольку дальнейшие рассуждения подобного рода увели бы нас за горизонт обозримого будущего, то внимание к этому поворотному пункту сохраняет свою актуальность лишь с философской точки зрения, но теряет смысл с позиции науки, где должны превалировать достоверные или хотя бы вероятностные знания, которыми мы, во всяком случае, сейчас не обладаем. Потому относительно *пятого* поворотного пункта в историческом развитии ограничимся лишь гипотетическими суждениями, в то время как о первых четырех имеются достаточные основания говорить с определенной степенью достоверности.

Итак, **первый эпoметаморфоз** связан с появлением человека разумного (*Homo sapiens*), то есть с началом формирования религиозного и мифологического мировоззрения. Это время охватывает период в пределах от 40–60 тыс. лет тому назад до начала I тысячелетия до н. э. Кульминацией первого эпoметаморфоза стала неолитическая революция, свершившаяся 7–10 тыс. лет тому назад. В результате этого эпoметаморфоза человек окончательно выделился из животного состояния, а его отличительной особенностью стало наличие у него зачатков материальной и духовной культуры (изготовление орудий труда, создание наскальных рисунков, вербальное общение, танцы, песни и т. п.). В это время окончательно сложилась эпоха *фрагментарных событий* и локально ограниченных социальных связей. Этот же эпoметаморфоз положил и начало истории человечества.

Второй эпoметаморфоз характеризуется формированием и выделением с середины I тысячелетия до н. э. философии как особой исторической формы мировоззрения. Именно применительно к тому времени и произошедшим тогда событиям К. Ясперс употребил свой неологизм «осевое время», а свершившиеся в результате такого поворота перемены стали отличительной характеристикой эпохи *региональных событий* и территориально ограниченных международных отношений. Тогда же появился термин «культура», позволивший в противоположность естественной (дикой) природе описать и оттенить природу искусственную, ставшую результатом человеческой деятельности. На завершающей стадии этого эпoметаморфоза обозначились первые симптомы глобализации.

Третий эпoметаморфоз непосредственно связан с выделением науки из философии в качестве самостоятельной формы общественного сознания и началом научно-технического прогресса. Данные преобразования, начавшиеся в Новое время, происходили в контексте нарастающих глобальных процессов и становления всеобщей экономической и социально-политической зависимости в планетарном масштабе. Иными словами, третий эпoметаморфоз был сопряжен с реальной глобализацией, а в своей завершающей стадии – с фундаментальным этапом ее развития. В этот же период в научный оборот вошел термин «цивилизация»,

который расширил возможности языка описывать усложнившуюся социальную действительность с точки зрения ее структуры, организационных форм и научно-технических достижений.

Наконец, **четвертый эпометаморфоз**, который мы переживаем сейчас, связан с процессом формирования глобального сознания. Его начало, хотя и уходит своими корнями в XIX в., наиболее отчетливо обнаружило себя только во второй половине XX в., когда наступила эпоха космической экспансии. К этому времени относится появление термина «глобализация», первого, но явно не последнего в ряду тех, которые еще во множестве будут предлагаться для описания процессов и состояний человеческого сообщества как единого целого. Четвертый метаморфоз непосредственно связан с началом космической эры и многоаспектной глобализацией.

С наступлением **пятого**, гипотетического **эпометаморфоза**, а возможно, в еще более отдаленной перспективе должен будет произойти кардинальный поворот к осознанию сущности человека, и основным понятием тогда, по всей видимости, станет термин «гуманизация» общественного и индивидуального сознания.

Подводя итоги, необходимо отметить, что появление определенных тенденций и реальных перемен в мировой истории, с одной стороны, и их распознавание и осмысление – с другой, разнятся во времени, что вполне естественно и объяснимо. Такие изменения должны вызреть, сформироваться и стать объективным фактором влияния на жизнь людей, чтобы на них не только обратили внимание, но и придали им серьезное значение. Примером подобного рода могут быть капиталистические отношения, которые долго и основательно вызревали, прежде чем стали предметом широкого обсуждения и отразились в соответствующих теориях. О сути такого «запаздывающего» осмысления потребовался бы отдельный разговор [см.: Чумаков 2014: 25–27]. Теперь же с учетом сказанного выше отметим, что первый эпометаморфоз хотя и заложил основы формирования культуры как целостного социального явления (а элементарные зачатки ее можно обнаружить еще раньше, уже у человека умелого), тем не менее еще не сформировал необходимых условий для того, чтобы данное явление было понято. Осмысление же феномена культуры, как и появление самого термина «культура», относится ко времени уже второго эпометаморфоза. Именно тогда наряду с поворотом сознания к тому, что стали обозначать понятием «культура», получили дополнительный импульс процессы, лежащие в основе цивилизационных связей и отношений, начало которым задала неолитическая революция и которые позже, во время третьего эпометаморфоза, обусловили появление нового термина – «цивилизация». Также и третий эпометаморфоз, хотя он и ознаменовался началом реальной глобализации общественных отношений, тем не менее саму глобализацию еще не сделал очевидной, и по этой причине она не привлекла к себе тогда внимания. В итоге должно было пройти несколько различных этапов осмысления глобализации, прежде чем стало ясно, что окончательное «открытие» и глобальных проблем, и породивших их глобальных процессов приходится на четвертый эпометаморфоз, то есть на последнюю четверть XX в., когда названные процессы окончательно сформировались, вызрели и проявились с достаточной очевидностью. Продолжая эту логику рассуждений, можно с большой долей уверенности предположить, что и в настоящее время происходит формирование каких-то фундаментальных про-

цессов, пока еще не очевидных, но которые с необходимостью проявятся по прошествии определенного времени и будут играть ключевую роль в жизни человека, неразрывно связанного не только с социумом, геосферой и биосферой, но и с космосом. По всей вероятности, в перспективе это станет основным предметом исследования глобалистики, а пока в меру сил и возможностей следует способствовать движению теоретической мысли в этом направлении.

Литература

Барлыбаев Х. А. Глобализация: вопросы теории и практики // Век глобализации. 2008. № 2. С. 12–20.

Вернадский В. И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М., 1965.

Глобалистика. Персоналии, организации, труды. Энциклопедический справочник / под ред. И. В. Ильина, И. И. Мазура, А. Н. Чумакова. М. : Альфа-М, 2012.

Гринин Л. Е. Новый мировой порядок и эпоха глобализации // Век глобализации. 2015. № 2. С. 3–17.

Иванов В. В. Наука о человеке: Введение в современную антропологию. М. : РГГУ, 2004.

Куда движется век глобализации? / под ред. А. Н. Чумакова, Л. Е. Гринина. Волгоград : Учитель, 2014.

Ласло Э. Макросдвиг (к устойчивости мира курсом перемен). М. : Тайдекс Ко, 2004.

Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. М., 1996.

Моисеев Н. Н. Человек во Вселенной и на Земле // Наука, общество, человек: к 75-летию со дня рождения И. Т. Фролова: сб. ст. / под ред. В. С. Степина. М., 2004.

Труды членов Российского философского общества. Вып. 18. М., 2012.

Флоренский П. А. Соч.: в 4 т. Т. 3(1). М., 1999.

Хрестоматия по философии: уч. пособ. Сер. 58. Бакалавр. Академический курс. М. : Юрайт, 2015.

Чумаков А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2014.

Axial time // Global Studies Encyclopedic Dictionary. Editions Rodopi B.V., Amsterdam; New York, NY, 2014.

Laszlo E. Global Bifurcation: The Decision Window // Age of Globalization. 2013. No. 3. Pp. 108–111.